

Андрей Крюков

В годы блокады из хроники событий

В доме № 3 на Театральной площади в течение всей войны горел огонек музыкальной жизни. Он то еле теплился, то вспыхивал более ярко. Люди, поддерживавшие его, испытывали, как и все ленинградцы, муки голода и холода. В классах и коридорах поселились страх и отчаяние, здесь таилась сама смерть. И здесь же, борясь с силами тьмы, на первый план выступало творческое начало.

Эпизоды той борьбы, отдельные мгновения блокадной жизни и будут представлены далее*.

Окружение Ленинграда было завершено 8 сентября 1941 года. Консерваторский коллектив к тому времени уже эвакуировался, но значительная часть педагогов и студентов не уехала. Для многих здание родного вуза стало домом — они переехали сюда из довоенных квартир, так как хоть и слабо, но работало отопление, на первых порах было электричество, функционировала столовая. Некоторые из молодых консерваторцев состояли в командах противовоздушной обороны.

Враг не смог войти в город, наши войска не имели сил отбросить его. Положение на фронте и в самом Ленинграде постепенно стабилизировалось, сформировался особый, блокадный уклад жизни. И выяснилось, что в нем осталось место для искусства.

24 сентября 1941 года профессор класса камерного пения З.П. Лодий записала в дневнике: «Начинаем занятия, которые часто прерываются из-за налетов. В здании холодно, окна закрыты фанерой — темно. Педагоги и студенты дежурят ночью. По тревоге все выходят из классов и спускаются в бомбоубежище». В том месяце одна из авиабомб, в изобилии обрушиваемых на город, едва не поразила Консерваторию: она упала по другую сторону улицы Глинки, превратив правое крыло Театра оперы и балета в зияющую рану. Кошмар первых бомбажек испытал каждый, кто остался в городе. Одна из особенно тяжелых бомб, сброшенных в те дни, была нацелена на госпитальный и больничный комплекс на Петроградской стороне. Там находился на излечении известный певец, профессор Консерватории П.З. Андреев (у него было нездоровое сердце). По счастью, бомба не задела построек и, к тому же, не взорвалась, но испытанный во время страшного удара шок, а затем ожидание возможного каждую секунду мощнейшего взрыва нанесло большой урон состоянию больных, да и медицинского персонала тоже...

15 октября было официально объявлено о возобновлении работы музыкального вуза. В нескольких приказах исполнявшей тогда обязанности директора А.Ф. Лебедевой перечислялись фамилии тех, кого следовало считать «приступившими к занятиям». Среди них — известные музыканты, профессора П.З. Андреев,

* Статья основана на материалах моей книги «Хроника музыкальной жизни блокадного Ленинграда», которая готовится к печати (эти материалы приведены там в более полном виде и, естественно, со ссылками на источник).

З.П. Лодий*

В.В. Софреницкий

А.Д. Каменский

Р.И. Мервольф

Н.А. Большаков, Г.А. Боссе, Е.А. Бронская, К.С. Исаченко, З.П. Лодий (вокалисты), Е.О. Брик, А.Д. Каменский, А.Н. Кобылянский, Н.Н. Позняковская, В.В. Софреницкий (пианисты), И.О. Брик (виолончелист, руководитель класса квартета), А.Б. Гордон (трубач), Л.Е. Аб, Р.И. Мервольф, А.В. Оссовский, П.Б. Рязанов, Н.З. Хейфец, М.А. Юдин (композиторский и историко-теоретический факультеты).

Зарегистрировались 135 студентов.

Из приказа от 16 октября мы узнаем, что профессор Каменский был одним из организаторов большого концерта, состоявшегося незадолго до того в Филармонии и знаменовавшего открытие блокадного сезона ее Большого зала. В числе выступавших консерваторцев, помимо Каменского, были профессор Софреницкий и студент II курса Д. Шафран (виолончелист) — его, как особо одаренного молодого специалиста, лауреата всесоюзного конкурса, отзовали из Народного ополчения, предоставив возможность учиться дальше. Замечу здесь же, что билеты на концерт были распроданы, и у входа в Филармонию толпились люди, стремившиеся приобрести их с рук. Поскольку открытие сезона имело большой резонанс, дирекция Консерватории выразила организаторам и участникам благодарность.

В те же дни З.П. Лодий писала, что 25 студентов класса камерного пения не только готовят академический репертуар, но также работают над программами для выездных шефских концертов. Воинов обслуживали не только гражданские музыканты, но и, так сказать, собственные. 17 октября «Ленинградская правда» поместила заметку о «симподжазоркестре» полевого Дома Красной Армии (имелась в виду 23-я армия), почти целиком состоящем из выпускников Консерватории и Школы-десятилетки при ней. Ансамбль — любимый гость в воинских частях.

Естественно, «Ленинградская правда» сообщила и о начале учебного года в музыкальном вузе, а информационное агентство приспало фотокорреспондента. Сохранилось несколько фотографий: на одной — профессор Е.О. Брик со студентами (класс камерного ансамбля), на других — доцент М.С. Друскин, курсант военно-морского факультета Д. Светозаров...

Ноябрьские праздники, очередная годовщина революции, традиционно были связаны в те годы с торжествами и концертами, что непосредственно касалось Консерватории. Ноябрь 41-го не стал исключением. Более сорока преподавателей получили в приказе благодарность «за инициативу и энергию, проявленные в организации учебного года в суровой обстановке военного времени». Бригада консерваторцев (при участии артистов Кировского театра) выступала для защитников города: студентки Г. Скопа-Родионова и Р. Гудкина исполняли песни и оперные

* Фотографии публикуются с разрешения Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской консерватории

арии, солист Оперной студии Л. Петров, среди прочего, пел Куплеты Тореадора (выделяя особо актуальные в те дни слова «Смелее в бой»). Аккомпанировал струнный квартет (доцент М. Беляков, студенты И. Иршаи, П. Лаппа, Г. Безгинский).

Задача делать переложения для аккомпанирующего ансамбля лежала в основном на композиторах. Они занимались этой работой с первых дней войны, но потребность в ней сохранялась и в ноябре. «Я (и другие) продолжаем делать аранжировки из разного материала для концертных бригад Консерватории», — сообщал 21 ноября в письме на «Большую землю» доцент Г.М. Римский-Корсаков (племянник Н.А. Римского-Корсакова). Он рассказал также о консерваторских занятиях: «Паровое отопление работает и двухчасовые лекции можно проводить без пальто, более того уже труднее» (сдержанность, ощущаемая в этих словах, была вызвана оглядкой на военную цензуру, просматривавшую все письма и вымарывавшую непонравившиеся строки).

Ситуация в осажденном городе стремительно ухудшалась. Кончались запасы продуктов, топлива. В консерваторской хронике зимних месяцев появляются новые черты. С 5 декабря приказом директора освобожден от работы профессор Н.А. Большаков — «в связи с эвакуацией». Заметно увеличилось число больных. Заболел, а потом взял отпуск «без содержания» М.С. Друскин (некоторое время он провел в лечебном стационаре, а затем эвакуировался). На бюллетене числились заведующий учебной частью В.Н. Верв, профессор Кобылянский, доценты Г.М. Римский-Корсаков и П.Я. Курзнер, ряд других сотрудников. П.Я. Курзнер в декабре отметил 35-летие творческой деятельности и 5-летие работы в Консерватории. В посвященном этому приказе юбиляр получил благодарность «за энергичное, инициативное ведение оперной мастерской, за любовное отношение к выращиваемым кадрам певцов». Студентки-вокалистки Г. Скопа-Родионова и Д. Козлова взяли двухнедельный отпуск «для поездки по шефской работе в рядах Красной Армии» (шефское обслуживание велось бесплатно, но в воинских частях можно было немного — как тогда говорили — «подкормиться»).

Появился первый приказ, связанный со смертью сотрудника: 25 декабря из консерваторских списков был исключен Е.К. Корзун — опытнейший музыкальный мастер.

Описывая встречу Нового года, З.П. Лодий пометила в дневнике, что «получила подарок — студень из столярного клея». С навестившими ее студентками (профессор жила в классе № 23) «играли в домино, горели две коптилки». В меню консерваторской столовой был «суп из кишок».

Приказ от 8 января 1942 года извещал о смерти доцентов С.Н. Соловьева (преподавал теорию музыки) и Н.И. Рудина (вел чтение хоровых партитур), аккомпаниатора К.П. Предтеченского. Скончался также заведующий учебной частью В.Н. Верв.

Моменты блокадной жизни запечатлены в дневнике Н.Р. Мервольф — дочери профессора Р.И. Мервольфа (композитор преподавал чтение партитур и общий курс фортепиано). В начале января она записала: «Недавно я провожала папу в Консерваторию. Просто не верилось, что идешь по Театральной площади, по улице Плеханова [ныне это Казанская улица] или по Невскому. Унылая снежная улица, вся в сугробах и рытвинах (без всяких следов рельс)». 10 января в дневнике сообщается, что отец из Консерватории переселился домой, так как там

«немыслимый холод, и также нет воды и света». Полагающиеся музыкантам обеды из консерваторской столовой приносит дочь. Накануне «съели вчетвером папин обед (правда, на два дня). Сегодня же ничего не предвидится».

11 января в кабинете директора состоялся своего рода отчет класса З.П. Лодий. Молодые певцы выступили с программой «Старинный русский романс». За подготовку и проведение концерта «в момент наиболее тяжелой для Консерватории обстановки» были отмечены в приказе, помимо Лодий, доценты Т.С. Салтыкова и Р.И. Зарицкая, группа студентов. О концерте написала «Ленинградская правда», добавив, что на очереди выступление студентов-пианистов класса А.Д. Каменского. Газета рассказала также о том, что профессор исполнил по радио программу, в которую вошли фортепианные сочинения композиторов Англии и США — наших союзников в войне с Германией (в Ленинграде тогда прозвучали впервые «Книга джунглей» и «Египет» С. Скотта).

18 января Управление по делам искусств информировало Ленгорисполком о работе Консерватории (не эвакуированы 62 «ведущих профессора» и 150 студентов), об условиях, в которых она протекает, и просило «хотя бы 15 литров керосина», 10 тонн угля, 10 кубометров дров и пять «маленьких железных печек». В то же время, обследовав музыкальный вуз, представитель управления обнаружил запущенное состояние классных помещений, небрежное отношение к музыкальным инструментам, антисанитарное состояние уборных, отсутствие противопожарных бочек с водой, а также умывальников («живущие профессора пользуются пожарными кранами, в результате чего на полу стоит вода»). Было указано принять соответствующие меры. Спустя короткое время уже директор Консерватории подготовил приказ «в связи с появившимися фактами употребления мебели как топлива», одному из преподавателей был объявлен строгий выговор. Все живущие в здании предупреждались, что подобные действия будут строго караться — вплоть до передачи дела в суд и выселения виновных. Запрещалось также пилить и колоть дрова в классах и коридорах.

Из дневника Н.Р. Мервольф: «28 января. Я стояла восемь часов на улице за хлебом.... В комнате у нас 3 – 4 градуса. Очень все тяжело»; «4 февраля. Папа уже совсем ослаб, все время лежит, только жалуется на голод и говорит, что он больше не уверен, что выживет»; «14 февраля. Вчера приходила к нам Шувалова — служащая Консерватории... Сказала, что о папе очень беспокоятся, как и о всех вообще профессорах, и сказала, что хотят, чтобы все они поправились и отдохнули, поэтому Консерваторию эвакуируют». В этой же записи сообщается о новых умерших консерваторцах. Названы профессор Л.Е. Аб (вел курс инструментовки и теории музыки), преподаватель В.К. Зосин (вел фортепианный ансамбль), доцент А.А. Михайлов (вел общий курс фортепиано). Добавлю от себя, что в 42-м году скончались также — из числа упомянутых мною ранее профессоров — И.О. Брик, А.Б. Гордон, А.Н. Кобылянский, Н.З. Хейфец. Умер и Р.И. Мервольф.

15 февраля 1942 года вышел приказ Управления по делам искусств, предписывающий «эвакуировать... оставшуюся не эвакуированной группу студентов и педагогов Ленинградской государственной консерватории».

Блокадная эпопея музыкального вуза на этом не закончилась. Уехали не все. И продолжилась борьба за жизнь и возможность работать. Люди не хотели пережидать. И молодые музыканты, и их наставники использовали малейшие возможности для того, чтобы встречаться, учиться и учить таинствам любимого искусства. Решитель-

ную поддержку им оказывало Управление по делам искусств Ленинграда, которое с начала весны 1942 года вновь возглавил его довоенный руководитель Б.И. Загурский, демобилизованный после ранения и контузии (напомню, что в тридцатые годы Загурский был помощником директора, а потом и директором Консерватории).

Несколько выдержек из хроники той поры.

8 марта 1942 года дирекция Консерватории «за самоотверженную работу в дни грозной Отечественной войны» объявила благодарность «лучшим женщинам оставшейся части» вуза. В числе названных — профессора З.П. Лодий, Е.А. Бронская, Е.О. Брик, доценты Л.А. Андреева-Дельмас, В.А. Рошковская, Т.С. Салтыкова, Е.Ф. Дауговет, «участницы концертных бригад» Р. Гудкина, В. Самсоненок, И. Головнева. Женщины, жившие здесь же, в учебных помещениях, были приглашены на праздничный завтрак, обед и ужин. Перед обедом состоялся концерт студентов кафедры камерного пения «Народные песни и песни советских композиторов». Руководитель кафедры, профессор Лодий, выделила выступления Р. Гудкиной, А. Мирецкой и Г. Скопы-Родионовой.

12 марта районные власти распорядились открыть в помещении Театра оперы и балета имени Кирова «стационар для больных дистрофией» и предоставить в нем десять мест Консерватории. В тот же день «Ленинградская правда» известила о выходе в свет книги Р.И. Грубера «История музыкальной культуры», отметив, что «она прекрасно отпечатана типографией имени Володарского при самом непосредственном участии во всем творческом процессе автора». Книга вышла под двумя грифами — Института театра и музыки и Консерватории. Это была фантастическая эпопея: профессор Консерватории Грубер в момент, когда Ленинград оказался блокированым, находился в Москве. Опасаясь, что издание его книги может затормозиться, он сумел вернуться самолетом в город, убедив власти в необходимости печатать фундаментальный музикоедический труд, к тому же обеспечил себе льготные продовольственные пайки. Он целые дни проводил в типографии, помогая всем, чем мог, делясь получаемыми продуктами. И он достиг поставленной цели.

25 марта оставшиеся в городе профессора и студенты Консерватории получили разрешение заниматься при Музыкальном училище имени Мусоргского.

28 марта Зоя Петровна Лодий, сообщив в частном письме, что ей перестали давать дополнительный продовольственный паек, призналась: «Я стараюсь быть бодрой и веселой», и далее: «Я погибаю, впервые в жизни мне так страшно!... Неужели все мое искусство пойдет прахом...» В эти же дни тяжело психически заболела и затем скончалась блокадный директор А.Ф. Лебедева, умерла пианистка, доцент Е.Ф. Дауговет.

4 апреля Б.И. Загурский в письме председателю комитета по делам искусств кратко описал положение дел в подведомственной ему области. В частности, сказал: «Учебный год был и не был. Занимались несколько профессоров Консерватории. Работало несколько классов в Музыкальном училище». И в самом конце: «Если сможете, вышлите при случае витамин С. У многих наших работников искусств цинга, а лечить ее нечем». В других бумагах Загурского читаем: «Миша Черногоров убит во время бомбардировки города 4 апреля... Налет — и осколком через окно он убит» (речь идет о пианисте, профессоре Консерватории М.М. Черногорове). В том же месяце во время артиллерийского обстрела была разрушена квартира Г.М. Римского-Корсакова. Ему пришлось переехать к чужим людям, в комнату без инструмента.

Вопреки всему музыкальная жизнь «набирала обороты», и консерваторцы способствовали этому.

5 апреля в зале Пушкинского театра открылся концертный сезон. В числе других выступили профессора Консерватории, певец П.З. Андреев и пианист А.Д. Каменский. 23 апреля произошло большое событие в музыкальном вещании: ленинградцы услышали композицию по опере «Травиата» (масштабных музыкальных радиопередач не было уже много месяцев). Партию Виолетты успешно подготовила молодая Скопа-Родионова, за что была особо отмечена в приказе руководства Радиокомитета. 26 апреля открылся Зал камерных концертов (на Невском проспекте, дом № 52). Выступили Каменский и другие музыканты. Председателем правления Общества камерных концертов был профессор А.В. Оссовский.

В день 1 мая Консерватория традиционно поздравила своих сотрудников и пригласила их на трехразовое угощение (завтрак, обед и ужин). Кроме того, группе профессоров и доцентов была выражена благодарность «за неослабную работу по заботливому воспитанию музыкальных кадров в дни тяжелейших испытаний», а группе студентов — «за активное обслуживание концертами» воинских частей и госпиталей. Самый большой подарок преподнесло Управление по делам искусств, которое распорядилось «считать возобновленными с первого мая занятия профессорско-преподавательского состава Консерватории с оставшейся группой студентов». На следующий день в Консерватории выступили вокалисты и пианисты — учащиеся классов З.П. Лодий и Н.Н. Позняковской.

Назову несколько последовавших вскоре заметных (в русле избранной темы) событий в музыкальной жизни осажденного города.

30 мая 1942 года в Зале камерных концертов прошел «клавирабенд» Каменского. На следующий день там же дали концерт студенты Консерватории и учащиеся Хореографического училища. 7 июня коллектив консерваторцев показал там же программу «Песни Беранже» (она потом звучала и по радио). 28 июня в городском Лектории А.В. Оссовский провел вечер, посвященный Чайковскому. Несколькими днями ранее концертная бригада Консерватории отправилась обслуживать части Балтийского флота, базирующиеся в Кронштадте и близ него. Поездка длилась больше месяца. Было дано 98 концертов. Руководство кронштадтского Дома Флота отметило музыкантов благодарственным приказом.

Неожиданно для консерваторцев из высшестоящих инстанций вновь пришло распоряжение о полном прекращении занятий. Враг готовил штурм города, надлежало сосредоточиться на обороне, максимально освободиться от гражданского населения. Началась очередная эвакуация. Многие уехали, но многие остались (так, например, эвакуировался Г.М. Римский-Корсаков, а З.П. Лодий игнорировала полученную повестку). Некоторые педагоги продолжали встречаться со своими студентами. Функционировала (поскольку была основана на хозрасчете) Музикальная школа имени Римского-Корсакова. Под ее крышей приютились и студенты «законсервированного» Училища имени Мусоргского — вместе со своими наставниками. Волею судеб консерваторский профессор теперь мог оказаться педагогом музыкальной школы. (В этом ранге предстал перед своими студентами А.Д. Каменский. Понимая парадоксальность ситуации, он не противился, если ученик пытался отблагодарить его кочешком капусты или несколькими морковками).

В сентябре того же 42-го года всех консерваторцев всколыхнуло известие о бесценной посылке, присланной руководством вуза из Ташкента — это были несколько

мешков риса и гороха. В составленный список на получение вошло почти двести музыкантов-блокадников. Каждый получил от одного до пяти килограммов.

Коль речь зашла о проблеме питания, приведу здесь случай, описанный в дневнике ленинградки, работника культуры. Она лишилась службы, сильно голодала, тщетно пытаясь куда-нибудь устроиться. В одном из учреждений случайно встретила знакомых — профессора Лодий и ее ассистентку Салтыкову. Лодий сразу поняла, в каком положении оказалась женщина. Назавтра она с Салтыковой прислала ей немного продуктов, присыпала их и в дальнейшем, как-то пригласила на обед. «Вы уж позвольте вас питать, пока Вы не устроитесь» — сказала Лодий, объяснив, что получает дополнительный паек (слова Лодий приведены в том же дневнике).

Со штурмом Ленинграда у врага ничего не вышло, а в январе 1943 года кольцо осады было, наконец, прорвано. И хотя полное освобождение от блокады было еще впереди, хотя продолжались варварские бомбежки и обстрелы города, надежда на приближающуюся победу вливала новые силы.

Уже в январе в документах городского Управления по делам искусств упоминаются работающие Музыкальное училище и Музыкальная школа («ввиду большого спроса на музыкальное и художественное образование детей»). А в мае представители Консерватории (Оссовский, Лодий и другие) пришли в Управление с просьбой о возобновлении занятий с вузовской группой и о возрождении консерваторского Музыкального училища.

Результата долго ждать не пришлось. В том же месяце о скором открытии Музыкального училища при Консерватории известила «Ленинградская правда», добавив, что будут функционировать фортепианное, оркестровое, вокальное и педагогическое отделения, что прием (сто человек) будет производиться на все курсы, что часть студентов перейдет из Музыкальной школы имени Римского-Корсакова, что, наконец, при училище открывается своя Музыкальная школа. Вскоре выяснилось, что все это не было в достаточной мере согласовано с властями города, и Загурскому пришлось объясняться, однако отменять его распоряжения не стали. А он, выждав некоторое время, санкционировал начало работы вузовской группы в виде курсов повышения квалификации. Они были рассчитаны на бывших студентов Консерватории, а также на окончивших, но как пояснялось в документе, — нуждающихся во временной помощи профессоров, так как после тяжелой голодной зимы и частых выступлений во фронтовых бригадах, по радио, в театрах и др. у некоторых вокалистов и пианистов снизилась квалификация.

16 июля начало занятий было отмечено праздником, а 28 августа коллективы предъявили свои первые результаты. В Малом зале прошел концерт учащихся-пианистов и вокалистов классов профессоров М.А. Бихтера, Е.А. Бронской, А.Д. Каменского, З.П. Лодий, доцента Т.С. Салтыковой, преподавателей Н.Л. Беляевой, Е.Ю. Гейман, Т.А. Докукиной, К.Р. Зельдович, М.В. Ландау, В.Л. Михелис, М.О. Узинг, Н.В. Храмова.

Этому событию предшествовали поистине героические усилия специально присланной для ремонтно-восстановительных работ бригады водопроводчиков, плотников, маляров. Почти месяц они придавали блокадному помещению более или менее приличный вид. Хорошо натренированная пожарная команда была готова защищать все это (в июле на районных соревнованиях пожарных она заняла первое место). Однако, что могло противостоять варварским артиллерийским обстрелам? Спустя месяц после концерта дальнобойные снаряды поразили зда-

ние Консерватории. Как вспоминал ее блокадный директор Г.Ф. Фесечко, они причинили много разрушений, но человеческих жертв не было. Один снаряд, пробив крышу, разорвался в галерее Большого зала, другой через окно влетел в вестибюль Большого зала, третий попал в только что восстановленную котельную (но, к счастью, не разорвался). Взрывные волны выбили много стекол, повредили рамы, осколки уничтожили мебель, зеркала, пострадали инструменты. Несколько сделанных тогда фотоснимков сохранили вид поврежденных помещений.

Впрочем, это было обычное для повседневной блокадной жизни явление. И занятия шли своим чередом.

Несколько выдержек из хроники.

4 августа Консерватория направила ходатайство в Союз композиторов — просяла о регулярных консультациях для учащихся, имеющих композиторское дарование.

19 сентября состоялся радиоконцерт учеников Детской музыкальной школы и Училища при Консерватории. Среди выступавших — юные пианисты Лиза Эвальд и Герман Преображенский, арфистка Тамара Трапезникова, пианистка-композитор Ира Ельчева (в радиокомитете эту передачу включили в список лучших за тот день).

29 октября приказом заместителя директора Консерватории всему личному составу предписывалось явиться «для обеспечения вывозки торфа» (им отапливалась котельная). Указывалось, что не явившиеся «будут привлечены к ответственности по существующему законоположению военного времени». Студенты же «будут немедленно исключены».

25 ноября прошел концерт-лекция «50 лет со дня смерти Чайковского».

3 декабря на районном собрании интеллигенции А.Д. Каменский рассказал о работе Консерватории — вузовской группы, Музыкального училища и Детской музыкальной школы. Выделил группу студентов (Т. Скопу-Родионову, И. Алексеева, А. Мицкую и других), которые успешно выступили на первом туре республиканского конкурса исполнителей.

Ничто не предвещало беды. Но 27 декабря приказ по Консерватории сообщил, что финансирование вузовской группы (курсов по повышению квалификации) прекращается. Значительная группа профессоров и преподавателей предупреждалась об увольнении (музыкальное училище и Школа продолжали работать).

Подобные акции имели место и в других областях музыкальной жизни осажденного города и объяснялись они отнюдь не высокими государственными соображениями. Дело шло к полному освобождению Ленинграда от блокады. Не за горами была и реэвакуация главных музыкально-театральных, музыкально-учебных организаций. Их руководителей (и не только руководителей) тревожили известия о том, что в городе успешно действуют аналогичные коллективы.

Несправедливость, оскорбительность мер, принятых в отношении музыкантов, вынесших тяготы блокады и не утративших своего творческого дара, побудила Загурского выплыснуть охватившие его эмоции на бумагу. В обширной записи есть строки и о музыкальном вузе: «... нам запрещают сохранить до приезда Консерватории людей, которые ей же пригодятся. Неужели лучше, чтобы люди были оставлены на самих себя, без педагогической помощи. У нас нередко истинная правда идет рядом с тупостью, коснностью. Говорим о сохранении кадров и тут же переводим наши добрые намерения в пустобрех».

По сути, на этом и закончился блокадный этап в истории музыкального вуза.